

Послевоенная повседневность сельского населения Беларуси: уровень жизни и стратегии жизнеобеспечения

Е. В. Сумко

В статье на основании широкого круга источников рассматривается повседневность сельского населения Беларуси после освобождения от нацистской оккупации и в период послевоенного восстановления. Архивные документы и материалы устной истории позволили реконструировать с достаточной долей вероятности отдельные элементы повседневности. Автор обращает внимание, что на структурирование послевоенной реальности белорусской деревни оказывали следующие факторы: сосуществование двух моделей жизнеобеспечения крестьян-колхозников и крестьян-единоличников; наличие “зон бедствия” (уничтоженные деревни во время карательных экспедиций и военных действий) и “зон относительной стабильности” (степень разрушения населенного пункта была незначительной), что было следствием неравномерного ущерба по итогам Великой Отечественной войны; специфика природного ландшафта и месторасположение населенного пункта (удаленность от города, военного городка, крупного местечка, железнодорожных станций). Подчеркивается, что выбор стратегии сельского населения определяли социальные и жизненные ресурсы, возможность их использования.

Ключевые слова: сельская повседневность, устная история, жизненные стратегии, уровень жизни, Беларусь.

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта БРФФИ “Стратегии выживания и адаптивные практики сельского населения Северной Беларуси в послевоенный период”, договор № Г23ИП-037.

Для цитирования: Сумко Е. В. Послевоенная повседневность сельского населения Беларуси: уровень жизни и стратегии жизнеобеспечения // История повседневности. – 2024. – № 2. – С. 163–181. DOI: 10.35231/25422375_2024_2_163. EDN: QQYMGG

Введение

Великая Отечественная война имела катастрофические последствия для Беларуси, преодоление которых растянулось на длительный период. Послевоенная деревня находилась в крайне неблагоприятной экономической ситуации, а сельские жители вынуждены были реализовать весь свой потенциал, чтобы решать насущные проблемы жизнеобеспечения своей семьи, параллельно прикладывая титанические усилия для восстановления сельскохозяйственного производства. В исследованиях советского периода отдавали должное трудовому подвигу белорусского крестьянства, которое проявив самоотверженность в работе, смогло за короткий период ликвидировать последствия нацистской оккупации и войны. Однако проблематика послевоенной повседневности обычного крестьянина оставалась «за кадром», что было обусловлено принятой в исторической науке того времени исследовательской парадигмой. Фактически единственным исследованием послевоенной истории белорусской деревни, является монография А. П. Белязо, в которой автор ввёл в научный оборот значительное количество архивных документов, свидетельствующих о тяжелой послевоенной действительности и на конкретных примерах показал, что в жизнь белорусской деревни первых послевоенных лет вернулось далёкое прошлое, «а крестьянство вынуждено пользоваться такими предметами, как рогатина и лучина» [1, с. 18]. Попытки переосмыслить историю советского крестьянства в первые послевоенные годы предпринимались в 1990-е гг., когда историки получили доступ к ранее закрытым архивным документам. Одной из первых таких монографий, стала книга О. М. Вербицкой, в которой была исследована организация и оплата труда крестьян, роль личного приусадебного хозяйства, изучены доходы, структура потребления и быт, показаны практики со стороны крестьян-колхозников подкорректировать или обойти существующую систему [2].

Анализ современной историографии показывает, что вопросы, связанные с послевоенным состоянием белорусской деревни, рассматриваются преимущественно в контексте восстановления сельского хозяйства БССР и изучения деятельности партийно-государственных органов в сфере реализации аграрной политики [3; 4]. Отдельные исследования посвящены

проблемам послевоенной коллективизации в Западной Беларуси и трансформационным процессам в западнобелорусской деревне во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. [5–7].

Среди изданий последних лет, которые так или иначе затрагивают проблематику повседневности сельского населения Беларуси, следует отметить книгу Ольги Ивановой, которая является первой попыткой показать историю XX века через призму воспоминаний жителей белорусской деревни [8]. В исследовании представлена реконструкция основных сюжетов устной истории сельских жителей в XX веке, а также подробно освещены вопросы методологии и методики исследования в области устной истории. Книга О. Ивановой перекликается с исследованиями И. Е. Козновой, которая изучала память на уровне событийной ретроспекции – «История XX века глазами крестьян» [9; 10].

Исследования по истории повседневности имеют сравнительно недолгую традицию в Беларуси. Наиболее полно эта проблематика представлена в российской историографии, в рамках которой история повседневности рассматривается как одна из наиболее востребованных в исторической науке составляющих социальной истории. Однако, как отметил Ю. Костяшев, в современной российской историографии утвердилась обновленная концепция коллективизации, объективный взгляд на колхозную жизнь в 1930-е гг. и во время войны, а послевоенный период все еще изучен недостаточно [11, с. 7]. Российские исследователи преимущественно использовали региональный подход в исследовании истории сельской повседневности и условий жизни колхозного крестьянства [11–13].

Описание обыденной жизни и повседневных практик сельских жителей невозможно без понимания функционирования аграрной экономики определенного периода. Вопросы, связанные с перераспределением роли укладов в производстве сельскохозяйственной продукции, формами эксплуатации, социальными отношениями в колхозно-совхозной деревне, раскрываются в исследованиях М. А. Бензина, Т. М. Димони [14; 15].

Некоторые исследователи считают, что сегодня крестьянская история – это история устная, транслирующая опыт и знания вербальными средствами, сохраняющая преемственность поколений [16, с. 55]. Устная история активно внедряется в исто-

рическую научную практику. Здесь необходимо отметить разработки Т. К. Щегловой, которая рассматривает устную историю как метод и источник исследования сельского населения в контексте исторических событий XX века. Автор отмечает, что устная история формирует источниковую базу для исследования не только таких элементов культуры жизнеобеспечения, как жилище, пища, одежда, так и периферийных элементов – санитарии, гигиену, отопительные и осветительные материалы, народную медицину и другие элементы [17, с. 13].

Цель данной статьи – на основе архивных документов и материалов устной истории реконструировать послевоенную повседневность сельского населения Беларуси. Ключевым источником выступают свидетельства респондентов, которые дают возможность понять, как люди выживали, как жизненный опыт, передававшийся из поколения в поколение, воспроизводился в сложное послевоенное время, какие стратегии и практики жизнеобеспечения реализовывались, какие ресурсы использовали для восстановления своего хозяйства. Значительным информационным потенциалом обладают архивные документы, в основном это делопроизводственная документация региональных органов власти, а также отчеты, которые отправлялись в партийные структуры, курирующие сельскую сферу. Данные источники предоставляют ценную информацию о некоторых аспектах повседневной жизни сельского населения Беларуси в сложное послевоенное время: материальный уровень жизни, взаимоотношение с властной вертикалью, мотивация нарушения Устава сельскохозяйственной артели и пути решения определенных жизненных проблем.

Результаты

Сочетание традиционных и инновационных исследовательских направлений, наличие значительного объема накопленных источников позволяют по-другому взглянуть на историю деревни, особенно в кризисные и переходные периоды, когда наиболее отчетливо проявляются трансформационные процессы, проблемы преемственности повседневных социальных, культурных, экономических практик и их роль в жизни населения в неблагоприятных условиях. Реальность, в которой оказались сельские жители Беларуси, после Великой Отече-

ственной войны, предопределила жизненные цели и способ их реализации. Спектр возможных действий для достижения определенного уровня благосостояния сельской семьи был обусловлен локацией проживания: размещение в «зоне бедствия» (проживание на месте уничтоженной деревни в результате карательных операций или военных действий) или «зоне относительной стабильности» (проживание в населенном пункте, где степень разрушения была незначительной или отсутствовала); возможность использования природных ресурсов. Кроме этого, содержание послевоенной сельской повседневности предопределялась тем, что в послевоенной Беларуси до конца 1940-х гг. сохранялось сосуществование двух моделей системы жизнеобеспечения сельского населения, в основе которых, преимущественно на территории Западной Беларуси (районы, которые в межвоенный период входили в состав Польской республики), лежали единоличные хозяйства, а на территории Восточной Беларуси – ключевую роль играла колхозно-совхозная система. Как свидетельствуют архивные документы и материалы устной истории, крестьяне-единоличники в первые годы после освобождения обладали лучшими стартовыми возможностями для восстановления довоенного уровня жизни. Ситуация с жизнеобеспечением в районах с единоличным сектором изменилась в конце 1940-х гг., когда был взят курс на ускоренную коллективизацию, что привело к включению основной части крестьянства западных областей Беларуси в колхозно-совхозную систему.

Неравномерный ущерб по итогам Великой Отечественной войны предопределил разные стартовые возможности для восстановления. В неблагоприятных условиях оказалось население районов, которые были отнесены к наиболее пострадавшим. Согласно документам, которые хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь, в первые послевоенные годы такой статус имели 36 районов, население которых находилось в весьма тяжелых, а иногда и экстремальных жизненных условиях: «Положение, оставшихся в живых населения на время освобождения чрезвычайно тяжелое. Посевные площади на 1944 г. составляют не более, чем 27 % к 1940 г., лошадей осталось 13 %. В личном пользовании колхозников скота осталось 14 % к довоенному. Большинство населения не имело жилья и проживало в землянках. Народ длительно голодал, имелось большое

количество истощенных людей, и среди них немало дошедших до крайней степени истощения. Свирепствовала эпидемия тифа. Население после освобождения в 1944 году покидало разоренные районы и уходило в более сохранившиеся районы Беларуси, Украины, Литвы, Латвии» [18, л. 29]. Современные исследования и материалы устной истории значительно расширяют территорию, которую можно отнести к «зоне бедствия».

Первостепенной проблемой для населения, которое возвращалось на уничтоженную усадьбу, была адаптация к экстремальным условиям и решение жилищного вопроса. В первые годы после освобождения землянки, как временное жилье, были реальностью наиболее пострадавших районов. Иной раз в землянке жило по несколько семей: «Рыли землянки, жили по 2–3 семьи в землянке, потому что не у всех же были мужики. И мы ж вернулись с мамкой домой, а папы не было. Ну вот землянку вырыли, жили» [19, записано в 2019 г., от женщины 1935 г. р., деревня Ломаша Глубокского района Витебской области]. Материалы устной истории фиксируют, что там, где преобладала болотистая местность и уровень воды был высокий, землянки не рыли, а строили временные наземные конструкции – курени. Данная конструкция, по воспоминаниям респондентов, выглядела следующим образом: «Курень – это составленные шатром жерди, обложенные соломой и сухой травой, сверху укрепленные дерном и палками, чтобы не сдувало. В середине куреня был очаг. Вверху, где сходились жерди, была дырка, чтобы выходил дым. Ставился курень на специальный поддон: вбивали рогульки в землю, потом жерди, потом на них поперечные и застилали валежником» [19, записано в 2023 г., от мужчины 1938 г. р., деревня Новоселки Петриковского района Гомельской области]. Формат временного жилья и продолжительность проживания зависели от возможностей конкретной семьи (в принципе в воспоминаниях про послевоенную реальность наличие мужчины в семье отождествлялось с перспективой быстрого восстановления). В качестве материалов для временного жилья использовали все доступные ресурсы, обычно застраивая уцелевший угол. Одним из распространенных вариантов было использование бани в качестве временного жилища, которая по своим параметрам больше подходила к модели дома. Поскольку бани строились на удалении от жилых

и хозяйственных построек, а также от дороги, они обычно были наиболее сохранившимися элементами крестьянской усадьбы.

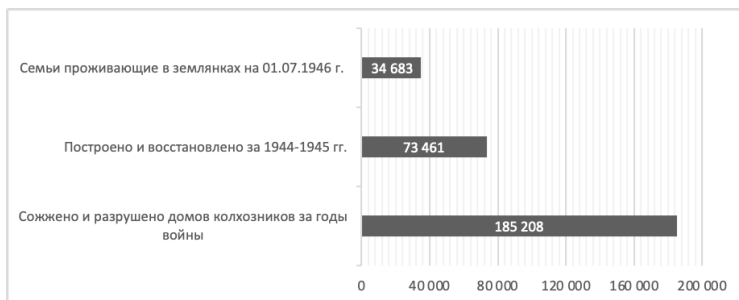

Рис. 1. Состояние строительства жилых домов колхозников в особо пострадавших районах БССР в первые послевоенные годы.

Процесс перехода сельского населения из землянок курировался органами властной вертикали и партийным руководством, однако восстановительные работы частного жилого комплекса шли медленными темпами: не хватало строительных материалов, рабочих рук, транспорта, в первую очередь отстраивали колхозные объекты. Летом 1946 г. в особо пострадавших районах в землянках проживало 34 683 семьи (рис. 1) [18, л. 23]. С каждым годом количество проживающих в землянках сокращалось, однако окончательное решение вопроса затянулось до конца 1940-х гг., а в отдельных районах до начала 1950-х гг. Как свидетельствуют архивные документы, информация в отчетах иной раз отличалась от реальности. Дело было в том, что в некоторых районах выделялись мизерные фонды строительного леса: «леса на строительство одного жилого дома отпускается 25 кубов, этого хватает только на сруб, а для того, чтобы получить на достройку лесоматериала необходимо вызывать комиссию, которую можно ждать весь год» [20, л. 7]. Однако по документам наличие сруба, даже непригодного для жилья, рассматривалось отделом колхозного строительства как решение жилищной проблемы, а по факту семья продолжала жить в землянке. Так, например, было в Чашницком районе Витебской области (декабрь 1947 г.): «...что касается отдела колхозного строительства, то они передали сведения, что в зем-

лянках нет ни одной семьи, а фактически по данным отчетов сельских советов в районе проживает в землянках 21 семья, у которых есть срубы, но незакончены по причине отсутствия тягловой и мужской силы» [20, л. 18].

Кроме этого, распространенной формой жилья в первые послевоенные годы, были так называемые «временки», которые мало чем отличались от землянок. Материалы устной истории свидетельствуют о существовании переходного типа жилища – «хатинка три на четыре». Первые дома, построенные после Великой Отечественной войны, были небольшими по размерам и практически лишенными декоративно-художественного убранства, к тому же у многих крестьян отсутствовали дополнительные хозяйственные постройки. Уровень жизни крестьянской семьи предопределял длительность использования лучины для освещения деревенской избы, особенно в осенне-зимний период. Самыми доступными, а поэтому и распространенными материалами для крыши, были солома или чарот. По свидетельству респондентов, крыша из чарота служила до 50 лет, она могла покрыться мхом, однако воду не пропускала. Крыша из соломы была менее долговечна. Необходимо отметить, что распространенным было явление, когда в голодные годы соломенную крышу снимали и она шла на корм домашнему скоту. Воспоминания про полноценную крестьянскую усадьбу относятся к середине 1950-х гг., когда была пересмотрена сталинская модель экономических отношений между государством и колхозниками, и у последних появилась возможность создать более комфортные условия существования и отойти от режима экономии. Показательным является следующий фрагмент из воспоминания: «Когда стали покрепче, дома крыли щепой. Щепу делали с осины или сосны. Соснова щепка служила 15 лет, осиновая – около 25. Щепу делали в колхозе, сначала для своих нужд, а потом людям. Записывались в очередь и организовывали талаку. За вечер могли сделать заготовки для одного человека. Красота! Дома уже строили с хорошего материала, не то что после войны» [19, записано в 2023 г., от мужчины 1938 г. р., деревня Новоселки Петриковского района Гомельской области].

Послевоенную повседневность отличал устойчивый дефицит базовых продуктов питания. Более пронзительна эта тема

звучала у респондентов, которые проживали в «зоне бедствия». В качестве примера можно привести следующее воспоминание: «Бедно было. Голод, ничего не было. Ходили бульбу собирать по полю – гнилушки были. Мама как-то промывала и оставался беленький крахмал. Пекла блины. Мама говорила: «ничего, детки, так глотайте». Щавель собирали, лебеду...» [19, записано в 2021 г., от женщины 1938 г. р., деревня Осовец Молодечненского района Минской области]. Следует отметить, что некоторые респонденты в ходе интервью называли оладушки, приготовленные из перезимовавшего картофеля, «тошнотиками».

Послевоенная экстремальная продовольственная ситуация привела к резкому сокращению необходимого количества растительной и животной пищи в ежедневном рационе сельской семьи и, как следствие, к нехватке питательных веществ, необходимых для здоровья человека. Обоснованные научные нормы потребления продуктов питания, полученные в 1939 г., включали следующие показатели (на 1 человека в год, кг): хлебных изделий – 121, картофеля – 114, овощей и бахчевых – 141, молока и молочных продуктов – 540 [21, с. 85], в послевоенные годы не соблюдались. Широкое распространение получило употребление в пищу различных растительных суррогатов (кора деревьев, цветы клевера, производные от конского щавеля и т. д.). «Есть было нечего. Мы добывали еду. Весной рано собирали шнитть в кустах, тогда крапивка подросла, потом щавель. Это всё варили и хлебали. Ни хлеба, ни муки, ни крупы – одна трава» [19, записано в 2023 г. от женщины 1938 г.р, деревня Малая Пушча Полоцкого района Витебской области]. Продукты собирательства давали необходимые белки и витамины, что позволяло определенным образом корректировать дисбаланс в системе питания в послевоенные годы. Функционал собирательства определялся конкретными природными условиями и расположением микрорегиона. Многие респонденты вспоминали, что их кормил лес: «Лес – это грибы, ягоды. Ягод было много. Как только май прошел, так в лес и пошли. Лисичка была первая и были маленькие красненькие сыроежки. У нас моды не было, чтобы грибы отваривать, их перебирали, помыли и сразу на сковороду – на воде жарили. Сушили благородные. Мяса ж никакого нет, поэтому это считалось нашим мясом» [19, записано в 2023 г., от мужчины 1938 г. р., деревня

Новоселки Петриковского района Гомельской области]. Иногда в лепешки, чтобы было больше, добавляли опилки, опытным путем выясняя степень пригодности того или иного дерева: «Сначала пробовали березовые. Думали, что будут вкусные. Березовые очень горькие, невозможно, жгучие, горит во рту, нельзя есть. Вкусные осиновые опилки. У осины только кора горькая» [19, записано в 2021 г., от женщины 1932 г. р., деревня Барсуки Верхнедвинского района Витебской области]. Когда разговор касался послевоенной системы питания, респонденты отмечали острую нехватку соли, что вообще было характерным явлением для первых послевоенных лет. Каждая семья выходила из ситуации по-своему. Например, использовали калийную соль в пищу или вываривали доски от ящиков, где когда-то было соленое сало.

Разница уровня жизни в послевоенные годы очень хорошо прослеживается именно в ситуации с продуктовым обеспечением и повседневными нормами потребления сельской семьи. Полевые исследования фиксируют, что экстремальная гастрономия и включение в послевоенный рацион дикорастущих растений и растительных продуктов – суррогатов, которые не использовались в пищу в период относительного благосостояния, практиковалось больше жителями Восточной Беларуси, чем Западной. В качестве примера, можно привести следующий фрагмент из воспоминания, записанный на территории Западной Беларуси от женщины из полной семьи, родители которой были крестьянами-единоличниками и проживали в зоне «относительной стабильности»: «Мы не горевали. У нас было и масло, и хлеб, и я на пасту сама не гоняла, но ходила к пастухам и выменяла один раз хлеб с маслом на пирожок. С чем он там был, может с лебедой или семенем каким-то, так я потом в больницу попала...» [19, записано в 2020 г. от женщины 1939 г. р., деревня Прозороки Глубокского района Витебской области]. Необходимо отметить, что данный фрагмент, скорее исключение, однако полевые материалы свидетельствуют о том, что единоличные хозяйства обладали лучшим экономическим потенциалом для восстановления, поэтому послевоенная реальность крестьян-единоличников отличалась от послевоенной действительности крестьян-колхозников.

На протяжении первых послевоенных лет районы Западной Беларуси были зоной возможностей для крестьян с Восточной Беларуси получить базовые продукты питания и необходимые ресурсы для восстановления. «Стали восстанавливаться. Приобретать скот в западных районах за последнюю одежду и другие предметы, на 3–5 хозяйств коллективно покупали коров, птицу» [22, л. 13].

Западнобелорусский регион был самым востребованным направлением как для трудовой миграции, так и вынужденного «хождения по миру» (подразумевается прошение милостыни, которое помогало в неблагоприятной жизненной ситуации решить проблемы элементарного жизнеобеспечения и в первые послевоенные годы оно приобрело массовый характер). Анализ материалов устной истории фиксирует, что в некоторых случаях в памяти респондентов «хождение по миру» сочетало в себе как нищенские практики, так отходничество. Архивные документы также фиксируют отток населения в Западную Беларусь: «в 1946 году из Витебской области выбыло большое число людей как организовано, так и не организовано. За август выбыло из сельской местности 7393 человек. Уезжают в другие области Западной Беларуси целые семьи и в одиночку, также уходят в города на работу...» [23, л. 69]. Причем чем удаленнее относительно линии коммуникации и городов находилась усадьба, тем выше была оплата за работу. Специфическая демографическая ситуация вызвала диффузию традиционных возрастных и гендерных ограничений во время выполнения как сельскохозяйственных работ, так и реализации жизненных стратегий. Анализ воспоминаний показывает, что устройство на работу в западные районы происходило или через знакомых, или, заметив сообразительную девочку на базаре, договаривались с ее родителями о найме на работу. Показательным является воспоминание женщины с Верхнедвинского района (район Восточной Беларуси, который относился к наиболее пострадавшим) про то, как «ходила на заработки»: «Я ездила в Западную к хозяевам. Папа меня за руку, как воскресенье, и на базар. А западники приезжали на конях на пароме. И папа водил меня за руку по базару. Люди спрашивали: «Куда ты девочку ведешь? Продавать?» А он и говорит: «А вот кому надо? Она может на пасту гонять, и свиней пасти...». Ай, сколько было

хозяев! Я все лета на пасту гоняла. А у них 15 овец, две коровы, телята... Мне платили зерном. Папа приезжал, брал зерно – это была моя плата» [19, записано в 2020 г. от женщины 1932 г. р., деревня Жигули Верхнедвинского района Витебской области]. Дешевая рабочая сила, преимущественно с восточной Беларуси, давала возможность крестьянам-единоличникам быстрее восстановить оптимальный уровень благосостояния. Вместе с этим, материалы полевых исследований свидетельствуют, что и крестьяне-единоличники также пытались адаптироваться к сложной послевоенной реальности и искать ресурсы, необходимые для восстановления. Они также практиковали отходничество, однако преимущественно работали за деньги, чтобы купить лошадь (необходимую для обработки земли) или рассчитаться с налогами.

В период послевоенного восстановления наблюдался возврат к натуральному хозяйству, которое позволяло достигнуть определенной степени автономности: «жили только со своего». Посредством обмена ресурсами семьи обеспечивали себя необходимыми продуктами питания, сырьем, одеждой. Объемы потребления зависели от урожайности и структуры посевов. Наряду с зерновыми в структуре посевов важную роль играл лен, имевший стратегическое значение для жизнедеятельности деревенской семьи. Материалы устной истории свидетельствуют о том, что в условиях послевоенной разрухи эта культура активно использовалась как хозяйственный и пищевой ресурс.

Неотъемлемым элементом послевоенной действительности в сельской местности стал возврат к самодельной обуви и самодельной одежде, для производства которой основным материалом являлся лен. За редким исключением, почти все респонденты, независимо от пола, подробно рассказывали о технологии обработки льна, свидетелями которой они стали в послевоенное время, а также поэтапном процессе создания домотканого полотна, из которого изготавливали одежду и предметы домашнего обихода. По воспоминаниям некоторых респондентов из Западной Беларуси, лен по традиции сеяли до начала 1950-х гг. Необходимость данной культуры в севообороте, даже в условиях сокращения пахотных земель в хозяйствах единоличников в результате коллективизации в конце 1940-х гг., сами респонденты объясняли следующим образом:

«Надо было собрать деньги и расчытацца с налогом. Я даже в самотканой куртке поехала учиться, в 52-м году, потому что материала купить на пальто не было, а во-вторых у нас и денег не было» [19, записано в 2021 г. от женщины 1936 г. р., деревня Поташня Миорского района Витебской области].

Анализ материалов устной истории показывает, что использование льна в послевоенном хозяйстве было широко распространено и среди крестьян-колхозников, которые сначала сажали его на своих сотках, а затем стали брать с колхоза. В зависимости от ситуации лен мог выдаваться в качестве оплаты на трудодни, но бывали случаи, когда колхозный лен добывался нелегально. Домотканая одежда в сельской местности была в обиходе длительное время. Например, респондент 1938 года рождения вспоминал, что 7 классов он «окончил в домотканых штанах и рубашке, другой не было. Потому что денег колхоз не давал никаких. Только писали палочки. Деньги только от того, что сдавали ягоды и грибы» [19, записано в 2023 г., от мужчины 1938 г. р., деревня Новоселки Петриковского района Гомельской области]. Вещи из домотканого полотна были обязательным элементом приданного для девушки. Кроме этого, в каждой деревне были умельцы, которые шили обувь, делали посуду и другие необходимые в повседневном быту вещи. В первые годы, в условиях критической нехватки предметов домашнего обихода, для хозяйственных нужд приспособляли то, что осталось от войны: части снарядов, немецкие консервные банки, парашюты и т. д. Для постельных принадлежностей использовали доступные ресурсы окружающей среды. Например, в некоторых районах в качестве наполнителя для подушки использовался пух от камыша.

Экономический потенциал собственного хозяйства позволял выжить в неблагоприятных условиях. Исследователи, изучавшие уровень жизни послевоенного крестьянства, отмечают, что подавляющую часть потребляемых продуктов сельского хозяйства колхозники получали от своего личного хозяйства, на скромных по размерам участках колхозники снимали урожай значительно выше тех, что выращивали на общественных землях [12, с. 105]. Основную долю прибыли, в том числе и в денежном эквиваленте, крестьяне получали как раз от реализации продуктов со своего приусадебного участка.

Поэтому наличие рынков сбыта для собственной продукции играло очень важную роль. В более выгодном положении оказывались крестьяне, место проживания которых находилось относительно недалеко от города, крупного местечка, военного городка, железнодорожной станции. Материалы устной истории фиксируют, что для своих нужд крестьяне оставляли только необходимый минимум, остальное шло на реализацию для получения денежных ресурсов, необходимых для выплаты налогов, погашение затрат на образование или приобретения товаров, которых нельзя было создать в рамках своего хозяйства. «Все продавали, если оно было» – это было характерно, как для крестьян-единоличников (налоги для них росли в геометрической прогрессии), так и для крестьян-колхозников, работа которых в послевоенных колхозах, не оплачивалась надлежащим образом.

Соотношение цены и товара было достаточно условным, зачастую в зависимости от потребностей. Интересный случай был записан в деревне Бараново Стародорожского района Минской области о том, что «временку» (хозяйственную постройку для временного проживания) купили за штаны и шелковое платье: «Когда приехали сюда, то у человека была истопка. Мама ее купила. А он был на Финской войне и у него отняли ногу. Он говорит: “Я истопку только тогда продам, если мне кто-нибудь даст штаны. Я хочу черные”. После войны не было где купить штанов. Были домотканые, покрасят их в черный, а после жлукты (предмет быта для стирки с употреблением пепла, в качестве моющего средства) – облезут. А мама моя всю войну, мы даже и не видели, что на маме что-то есть, папин костюм, она его на себе носила, нас за руки держала, а он на ней был. Так отдала штаны и шелковое платье за истопку» [19, записано в 2023 г. от женщины 1934 г. р.].

Обсуждение и выводы

Анализ архивных документов и материалов устной истории, которые касаются сельской повседневности Беларуси в послевоенное время, позволяет сделать вывод, что основные жизненные стратегии послевоенного времени были следующие:

– Стратегия выживания – совокупность способов и форм адаптации в условиях неблагоприятной жизненной ситуации

с целью обеспечить элементарное физиологическое выживание крестьянской семьи. Данная стратегия реализовывалась преимущественно населением, которое проживало в районах, отнесённых по итогам Великой Отечественной войны к наиболее пострадавшим (проживание в землянках, употребление в пищу растительных суррогатов, прошение милостыни и т. д.). Безусловно, государство оказывало социальную помощь семьям, оставшимся без отца или оказавшимся в весьма неблагоприятных жизненных обстоятельствах, но надо учитывать трудности послевоенных лет, время, необходимое для подготовки документов, подтверждающих тот факт, что отец погиб на фронте и т. д.

– Стратегия адаптации – реакция на стрессогенную ситуацию, которая предусматривала выбор адаптивных практик, возможность перераспределять жизненные и социальные ресурсы с целью достигнуть оптимального уровня жизнеобеспечения. Стратегия адаптации практиковалась преимущественно в районах с единоличными хозяйствами (Западная Беларусь) и коллективизированных районах, которые находились в зоне относительной стабильности (степень разрушения была незначительной или отсутствовала). Стратегия адаптации носила компромиссный характер. Как показывает анализ архивных документов и материалов устной истории, в условиях неблагоприятных жизненных обстоятельств преобладало рациональное поведение, возрастал удельный вес неформальных и нелегальных практик жизнеобеспечения (например, самогонарение, которое можно рассматривать как особое проявление «теневого» экономической деятельности белорусских крестьян в сложных послевоенных условиях), актуализировались нетипичные формы экономической и торговой активности, что позволяло получить необходимые ресурсы в эквиваленте.

Необходимо отметить, что иной раз провести четкую грань между стратегией выживания и стратегией адаптации в условиях послевоенной повседневности достаточно сложно. Имели значение такие факторы, как степень разрушения, темпы восстановления, наличие трудоспособных членов в семье, возможность обрабатывать землю, место в социальной структуре общества.

Полевые материалы свидетельствуют о воспроизводстве в послевоенное время традиций этнического опыта выживания

в неблагоприятных условиях, актуализации этноботанических знаний о растениях, их пищевых и лечебных свойствах.

Список литературы

1. Белязо А. П. Беларуская вёска ў пасляваенныя гады (1945–1950). Мінск: Выд-ва БДУ, 1974. 176 с.

2. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М.: Наука, 1992. 222 с. EDN: PYIKQL

3. Смяховіч М. У. Сельская гаспадарка Беларусі ў 1943–1991 гадах: этапы развіцця, дасягненні, вопыт. Мінск: Беларуская навука, 2017. 439 с.

4. Смяховіч М. У. Аплата працы ў калгасах і саўгасах БССР (1944–1985 гг.) // Вестні Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. – 2015. – № 3. – С. 50–60. EDN: SHNTNR

5. Белозорович В. А. Западнобелорусская деревня в 1939–1953 годах: монография. Гродно: ГрГУ, 2004. 148 с.

6. Ruchniewicz Małgorzata. Wieś zachodniobiałoruska 1944–1953 Wybrane aspekty. – Wrocław, 2010. – 477 p.

7. Чарнякевіч І. С. Стратэгіі выжывання заходнепалескіх сялян ва ўмовах пасляваеннай калектывізацыі // Соцыокультурная жизнь: історыя повсяднёвасці / рэдкалегія: Т. Тохіян, Е. Розенблат. Брэст: БрГУ, 2016. – С. 153–161.

8. Иванова В. Прамоўленая гісторыя: XX ст. у памяці жыхароў беларускай вёскі. Мінск: Зміцер Колас, 2018. 448 с.

9. Кознова И. Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. 207 с.

10. Кознова И. Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 464 с.

11. Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининской области. 1946–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 263 с. EDN: WQJDSV

12. Мамяченков В. Н Роковые годы: Материальное положение колхозных крестьян Урала в послевоенные годы (1946–1960): монография. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. 312 с. EDN: VUGHXH

13. Хасянов О. Р. Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 359 с.

14. Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930–60-х годах. Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИРАН, 2001. 141 с. EDN: WOMSYJ

15. Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М.: ЛЕНАНД, 2019. 608 с.

16. Хасянов, О. Р. Методы устной истории в изучении повседневной жизни советского крестьянства // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 1. – С. 53–59. EDN: RZCEDX

17. Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы. Барнаул: АЗБУКА, 2015. 132 с. EDN: WKKGSN

18. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). Ф. 4-п. Оп. 29. Д. 267.
19. Архив Центра устной истории и полевых исследований Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой (предыдущее название – Фольклорный архив Полоцкого государственного университета). Ф. 1. Оп. 5.
20. Государственный архив Витебской области. Ф. 1974. Оп. 2. Д. 751.
21. Чирков М. С. Жизненный уровень и уровень потребления основных продовольственных и промышленных товаров российских крестьян в 1945–1953 гг. (по материалам архивных фондов) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2017. – № 3 (43), – С. 82–89. EDN: VSOEKT
22. Зональный государственный архив города Полоцка. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 9.
23. НАРБ. Ф. 30. Оп. 5. Д. 1247.

Post-War Everyday Life of the Rural Population of Belarus: Living Standards and Sustenance Strategies

Elena V. Sumko

Based on a wide range of sources, the article examines the everyday life of the rural population of Belarus after liberation from Nazi occupation and during the period of the post-war reconstruction. The archival documents and oral history materials made it possible to reconstruct certain elements of everyday life with a sufficient degree of probability. The author draws attention to the fact that the following factors influenced the structuring of the postwar reality of the Belarusian village: the coexistence of two models of sustenance of collective and individual peasants; the presence of "disaster zones" (villages destroyed during punitive expeditions and military operations) and "zones of relative stability" (the degree of destruction of settlements was insignificant) as a consequence of the uneven damage caused by the Great Patriotic War; the specifics of the natural landscape and the location of the settlement (remoteness from the city, military town, large localities, railroad stations). It is emphasized that the choice of strategy of the rural population was determined by social and life resources and the possibility of their use.

Key words: rural daily life, oral history, life strategies, standard of living, Belarus.

Acknowledgements: the article was prepared within the framework of the BRFFI project "Survival strategies and adaptive practices of the rural population of Northern Belarus in the post-war period", agreement No. G23IP-037.

For citation: Sumko, E. V. (2024) *Poslevoennaya povsednevnost' sel'skogo naseleniya Belarusi: uroven' zhizni i strategii zhizneobespecheniya* [Post-War Everyday Life of the Rural Population of Belarus: Living Standards and Sustenance Strategies]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 163–181. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_2_163. EDN: QQYMG

References

1. Belyazo, A. P. (1974) *Belaruskaya vyoska ŷ paslyavaennyya gady (1945–1950)* [The Belarusian village in the post-war years (1945–1950)]. Minsk: Vyd-va BDU. (In Belaruss.)

2. Verbickaya, O. M. (1992) *Rossijskoe krest'yanstvo: ot Stalina k Hrushchevu* [The Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev]. Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: PYIKQL
3. Smyahovich, M. U. (2017) *Sel'skaya gospadarka Belarusi ŷ 1943–1991 gadah: etapy razviciya, dasyagnenni, vopyt*. [The agriculture of Belarus in 1943–1991: stages of development, achievements, experience]. Minsk: Belaruskaya navuka. (In Belaruss.)
4. Smyahovich, M. U. (2015) *Aplata pracy ŷ kalgasah i saŷgasah BSSR (1944–1985 gg)* [The wages at collective farms and state farms of the BSSR (1944–1985)]. *Vesci Nacyyanal'naj Akademii navuk Belarusi* [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus]. No 3. Pp. 50–60. (In Belaruss.). EDN: SHNTNR
5. Belozorovich, V. A. (2004) *Zapadnobelorrusskaya derevnya v 1939–1953 godah: monografiya*. [The Western Belarusian village in 1939–1953: monograph]. Grodno: GrGU. (In Russ.)
6. Ruchniewicz, M. (2010) *“Wieŷ zachodniobialoruska 1944–1953 Wybrane aspekty”* [The Western Belarusian village 1944–1953 Selected aspects]. Wrocław. (In Polish).
7. Charnyakevich, I. S. (2016) *Strategii vyzhyvannya zahodnepaleskih syalan va ŷmovah paslyavaennaj kalektyvizacyi* [The survival strategies of the Western Polesye peasants during the post-war collectivization]. *Sociokul'turnaya zhizn': istoriya povsednevnosti* [Sociocultural life: history of everyday life]. Brest: BrGU, 2016. Pp. 153–161. (In Belaruss.)
8. Ivanova, V. (2018) *Pramoŷlenaya gistoryya: XX st. u pamyaci zhyharoŷ belaruskaj vyoski* [The oral history: the XX century in the memory of the inhabitants of the Belarusian village]. Minsk: Zmicer Kolas. (In Belaruss.)
9. Koznova, I. E. (2000) *XX vek v social'noj pamyati rossijskogo krest'yanstva* [The 20th century in the social memory of the Russian peasantry]. Moscow. (In Russ.)
10. Koznova, I. E. (2016) *Stalinskaya epoha v pamyati krest'yanstva Rossii* [The Stalin era in the memory of the Russian peasantry]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)
11. Kostyashov, Y. (2015) *Povsednevnost' poslevoennoj derevni: Iz istorii pereselencheskih kolhozov Kalininskoj oblasti. 1946–1953 gg.* [The everyday life of a post-war village: From the history of resettlement collective farms in the Kalinin region. 1946–1953]. M.: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.). EDN: WQJDSV
12. Mamyachenkov, V. N (2002) *Rokovye gody: Material'noe polozhenie kolhoznyh krest'yan Urala v poslevoennye gody (1946–1960): monografiya* [Fatal years: the financial situation of the Urals collective farm peasants during the post-war years (1946–1960): monograph]. Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo universiteta. (In Russ.). EDN: VUGHXH
13. Hasyanov, O. R. (2018) *Povsednevnyaya zhizn' sovsetskogo krest'yanstva perioda pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: na materialah Kujbyshevskoj i Ul'yanovskoj oblastej* [The Everyday life of the Soviet peasantry during the period of late Stalinism. 1945–1953: based on materials from the Kuibyshev and Ulyanovsk regions]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)
14. Beznin, M. A., Dimoni, T. M., Izyumova L. V. (2001) *Povinnosti rossijskogo krest'yanstva v 1930–60-h godah* [The duties of the Russian peasantry in the 1930–60s]. Vologda: Vologodskij NKC CEMIRAN. (In Russ.). EDN: WOMSYJ
15. Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2019) *Agrarnyj stroj Rossii 1930–1980-h godov* [The agrarian system of Russia of 1930–1980s]. Moscow: LENAND. (In Russ.)
16. Hasyanov, O. R. (2014) *Metody ustnoj istorii v izuchenii povsednevnoj zhizni sovsetskogo krest'yanstva* [Oral history methods in studying the everyday life of the Soviet peasantry]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University]. No 1. Pp. 53–59. (In Russ.). EDN: RZCEDX
17. Shcheglova, T. K. (2015) *Etnografiya russkogo krest'yanstva yuga Zapadnoj Sibiri v XX stoletii: kul'tura zhizneobespecheniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Nauchnye i metodicheskie materialy* [The ethnography of the Russian peasantry in the south of Western Siberia in the 20th century: the culture of life sustenance during the Great Patriotic War. Scientific and methodological materials]. Barnaul: OOO «AZBUKA». (In Russ.). EDN: WKKGSN
18. *Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus'* [National Archives of the Republic of Belarus] (hereinafter – NARB). F. 4-p. Op. 29. D. 267.
19. *Arhiv Centra ustnoj istorii i polevyh issledovanij Polockogo gosudarstvennogo universiteta imeni Evfrosinii Polockij* [Archive of the Center for Oral History and Field Research of Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk]. F. 1. Op. 5.

20. *Gosudarstvennyj arhiv Vitebskoj oblasti* [State Archives of Vitebsk Region]. F. 1974. Op. 2. D. 751.

21. Chirkov, M. S. (2017) *Zhiznennyj uroven' i uroven' potrebleniya osnovnykh prodovol'stvennykh i promyshlennykh tovarov rossijskikh krest'yan v 1945–1953 gg. (po materialam arhivnykh fondov)* [The living standard and level of consumption of basic food and industrial goods of the Russian peasants in 1945–1953. (based on materials from archival funds)]. *Vestnik NII humanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], No 3 (43). Pp. 82–89. (In Russ.). EDN: VSOEKT

22. *Zonal'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Polocka*. [Zonal state archive of the city of Polotsk]. F. 1093. Op. 1. D. 9.

23. NARB. F. 30. Op. 5. D. 1247.

Об авторе

Сумко Елена Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Республика Беларусь; e-mail: Sumko_elena@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9940-0236

About the author

Sumko Elena V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk, Republic of Belarus; e-mail: Sumko_elena@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9940-0236

Статья поступила в редакцию 06.05.2024

Одобрена после рецензирования 10.05.2024

Принята к публикации 16.05.2024